
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Т.Ю. ТКАЧЁВА*

**МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ.
ЗАЧЕМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ
РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ?¹**

Рецензия на книгу: *Russia's regions and comparative subnational politics* / Ed. by W.M. Reisinger. – N.Y.: Routledge, 2013. – 205 p.

Довольно часто исследователи субнациональной политики в целом и российской регионалистики в частности сталкиваются с сомнениями относительно места проводимых ими исследований в общем поле сравнительной политологии. Как вписать результаты проделанной работы в более широкий исследовательский контекст и выйти за рамки узко специализированного характера объекта исследования? Что требует особого внимания с точки зрения усиления позиций субдисциплины, а чем можно пренебречь? В конце концов, каким образом изучение регионов помогает развитию и без того богатой сравнительно-политологической традиции? В коллективной монографии под редакцией авторитетного американского политолога Уильяма Райзингера [*Russia's regions... 2013*] предпринимается попытка ответить на эти вопросы и установить

* **Ткачёва Татьяна Юрьевна**, кандидат в доктора философии (PhD), Лаборатория сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономика, e-mail: tkacheva@eu.spb.ru

Tkacheva Tatiana, National Research University Higher School of Economics, e-mail: tkacheva@eu.spb.ru

¹ Работа финансировалась в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

роль регионалистики как субдисциплины в сравнительной политологии. Представив детально проработанные теоретические и методологические основания современной сравнительной политологии и включив в этот контекст особенности субнациональных исследований, работа убедительно показывает важность российской регионалистики для политологии.

Ключевым в рамках данной работы является понимание региона как любой политической единицы, которая входит в состав (является субъектом) Российской Федерации. При этом стоит отметить, что данным определением авторы сборника не ограничиваются и в дальнейшем обращаются к более широкому пониманию субнациональной единицы, уделяя внимание и муниципальному уровню, хоть и в меньшей степени.

Акцентируя внимание на важности российских регионов для понимания современной России еще на ранних этапах ее становления, учитывая их влияние на политическое, экономическое и социальное развитие страны, автор первой главы – Уильям Райзингер – подчеркивает неизменность этого факта и с развитием нового, централизованного политического режима В. Путина. Более того, субъекты РФ представляют собой богатую базу для исследований в рамках сравнительного анализа. Во-первых, их много, что дает пространство для фантазии относительно способов их изучения, включая и статистические методы. Во-вторых, изучение российских субнациональных единиц открывает новые перспективы и ставит под вопросы многие политологические теории: демократизация, гражданское общество, транснациональное влияние на политические процессы и т.д. [Russia's regions... 2013, p. 1–2]. При этом уточняется, что сравнительная политология рассматривается как дисциплина, которая «стремится учитывать различия между политическими единицами по вопросам, последовательно задаваемым политической теорией» [Laitin, 2002, p. 630]. Собственно, отталкиваясь от этого понимания, автор первой главы пытается выстроить траекторию рассуждения относительно места российской регионалистики в сравнительно-политологической традиции, рассматривая основные теоретические подходы, особенности методологии, логику и объекты исследований.

В целом У. Райзингер выделяет пять основных теоретических подходов в современной сравнительно-политологической традиции: 1) бихевиористский, 2) ресурсно-ориентированный / договорной

(bargaining), 3) рациональный институционализм, 4) исторический институционализм, 5) культуралистский подход. Все они, утверждает автор, в той или иной степени отражаются в российских исследованиях и формируют их теоретическую основу.

Вкратце бихевиористский подход рассматривает причины, по которым акторы ведут себя по-разному, исследуя их различные желания. При этом важны их эмоции, убеждения, то, как акторы обрабатывают получаемую информацию. В целом работы в рамках данного подхода, говорит У. Райзингер, уделяют внимание анализу индивидуальных ценностей, верований, убеждений индивидов. Как правило, в региональных исследованиях такой подход наблюдается в анализе электоральных предпочтений населения (голосование выступает как показатель региональной вариации в массовых ценностях), а также через изучение элит посредством опросных методов.

Ресурсно-ориентированный подход и институционализм отличаются от предыдущей концепции объективистским характером и делают упор на исследовании ограничителей или стимулов определенного поведения акторов. Проще говоря, первый подход – про то, как распределяются ресурсы и в дальнейшем как это распределение структурирует поведение акторов. Второй же уделяет внимание роли институтов и правил, формирующих действия индивидов. Важно, что У. Райзингер настаивает на разделении этих двух подходов, так как ресурсы могут быть и не институциональными: информация, уровень преданности, уверенность в исходе и многое другое – это все также является ресурсом [Russia's regions, 2013, p. 5]. Анализ в рамках принципал-агентских отношений или теории игр и соответствующих подходов – одни из примеров работ с ресурсно-ориентированным подходом [например: Stoner-Weiss, 1997; Bahry, 2005; Sharafutdinova, 2010; Гельман, 2006].

Институциональная парадигма, в свою очередь, делится на две: рациональный институционализм (вышедший из теории рационального выбора) и исторический институционализм. Первая утверждает, что действия акторов продиктованы их интересами и предпочтениями, сформированными на рациональной основе (как максимизация ожидаемой полезности), но при этом ограничиваются существующими институтами. Примером работ в таком ключе на уровне регионов могут быть исследования, сравнивающие влияние различных электоральных институтов на политические

результаты [Moraski, 2006; Панов, 2004] или, например, анализирующие роль государственных институтов в становлении общественного порядка [Stoner-Weiss, 2006].

Тем не менее, пишет У. Райзингер, предпочтения акторов и институциональные условия при взаимодействии друг с другом могут меняться. Отсюда возникает исторический институционализм, который предполагает, что любые изменения продиктованы историей и решения или политические результаты сейчас определяют возможности, доступные акторам в будущем (path-dependency). Среди российских субнациональных исследований ключевыми в рамках данной концепции являются работы, посвященные анализу развития федеративных отношений [см., например: Busygina, Zubarevich, 2001].

Последний, культуралистский, подход предполагает, что ограничения для действий акторов возникают из идей, разделяемых населением, из культуры. Упор делается на важности всеобщих ориентаций для ограничения политических возможностей. В международных отношениях, подчеркивает У. Райзингер, этот подход популярен в виде конструктивизма. В сравнительной политологии в целом и в российских региональных исследованиях в частности культуралистская концепция находит место в работах по национализму и идентичности [Sharafutdinova, 2003; Herrera, 2005].

Далее, следуя основным предпосылкам указанных теоретических концепций и ряду методологических особенностей (и ограничений) субнациональных исследований, автор предлагает несколько исследовательских направлений: анализ политического порядка, массовых ценностей и поведения, институтов и их влияния на политику, политэкономию и управления, изучение идентичности, локальности и ее связи с динамикой политических институтов (политическая география), транснационального влияния на внутреннюю политику и, наконец, изменения политических режимов. Подробно рассмотрев данные темы исследований, У. Райзингер, с одной стороны, показывает их популярность среди ученых-регионалистов (упомяная большое количество работ), а с другой – убедительно обосновывает наличие новых перспектив в развитии каждой из них.

Логичным продолжением рассуждений У. Райзингера выступают последующие главы книги. Представляя собой детальные иллюстрации описанных выше теоретических подходов и основ-

ных тематик исследований в рамках российской регионалистики, другие части монографии последовательно разворачивают и подкрепляют основные тезисы вводной главы. Так, вторая глава, написанная Владимиром Гельманом, посвящена понимаю локальных¹ режимов в России сквозь призму работ по политическим машинам. Последние изначально возникли в больших городах США и других западных странах. Однако автор главы показывает, что в отличие от американских и европейских субнациональных политических режимов, российские сильно подвержены влиянию структурных факторов (например, тенденциям в локальном и национальном экономическом развитии). В 2000-е годы возникла двойственная модель субнационального правления. Она объединяла характеристики субнационального авторитаризма и кумовского капитализма, свойственных странам третьего мира, с позднесоветскими практиками территориальной политики и управления.

Третья глава представляет результаты анализа выживаемости российских региональных глав в период назначений (2005–2011). В отличие от предыдущих исследований о факторах снятия-назначения губернаторов, данная работа Уильяма Райзингера и Брайона Мораски выявляет не только вероятность одного из исходов, но и позволяет проанализировать ее изменение с ходом времени. Авторы анализируют влияние этнического состава, численности населения, а также возраста губернаторов и различных аспектов их политической и административной деятельности. В итоге они приходят к выводу, что решения относительно снятия губернаторов в указанный период варьируются в зависимости от относительного баланса политических ресурсов между Кремлём и региональными лидерами.

В четвертой главе Генри Хейл и Тимоти Колтон задаются вопросом: «Почему политические системы в принципе трансформируются в партийные?» Иными словами, главный интерес авторов – в развитии партийных систем как таковых. Они анализируют результаты опросов населения в округах Краснодарского края и Рязанской области по итогам парламентских выборов 2003 г., пытаясь найти преимущества партийного выдвижения и, тем самым, причины становления партийных систем как более полезных и

¹ Под локальными В. Гельман в данном случае подразумевает и региональные, и муниципальные политии.

удобных. В итоге авторы выясняют, что у партийных выдвиженцев действительно есть ряд преимуществ по отношению к независимым кандидатам, что и является одной из причин перехода политики в партийную плоскость. Однако сила этих «бонусов» все же не столь значима в связи с наличием у независимых выдвиженцев возможности использовать в своих целях партийные субституты разного вида [Hale, 2006].

Ростислав Туровский в следующей главе также исследует партийную принадлежность, но с точки зрения ее влияния на политические и карьерные траектории регионального и муниципального руководства. В частности, какой стратегии следует придерживаться губернатору или мэру, избранному при поддержке оппозиционных сил в условиях системы с доминирующей партией? Как показывает автор, в конце концов основным способом политического выживания и сохранения управленческих постов в регионе становится ослабление или абсолютный разрыв связей с оппозицией.

Шестая глава посвящена исследованию темы национальной идентичности и ксенофобии. Йошико Херрера и Николь Краус делают подробный обзор предыдущих работ по соответствующей тематике, четко разграничивая эти два понятия. Далее они выдвигают несколько гипотез относительно причин ксенофобии и ее связи с национальной идентификацией. Дополняя построенную теоретическую рамку детальным обзором субнациональных исследований со схожим фокусом, авторы также описывают перспективы развития данного вопроса сквозь призму регионалистики. При этом фокус авторов на взглядах и поведении этнически русского населения, а также потенциальный анализ кросс-региональной вариации можно считать новаторскими. Во-первых, изучение ксенофобии на примере российских регионов и именно русского населения представлено в крайне малом количестве (что признают и сами авторы главы). Во-вторых, кроссрегиональных систематических исследований указанного феномена на российском материале нет и вовсе. Собственно, своим анализом авторы и показывают, насколько перспективно это поле и предлагают возможную стратегию для успешного развития тематики идентичности и ксенофобии в российской регионалистике.

Далее Андрей Ахременко рассматривает региональное управление в сфере здравоохранения. Основное понятие здесь –

эффективность управления, которую автор, посредством математических моделей, представляет как динамическую систему, состоящую из технической и общественной продуктивности (efficiency). Используя данные региональной статистики здравоохранения, А. Ахременко тестирует региональное управление здравоохранением с целью выявления эффективности проводимых реформ. Несмотря на то что одна из реформ – переход региональных учреждений здравоохранения на одноканальное финансирование¹ – действительно положительно связана с улучшением региональных показателей, с другими реформами такого результата не обнаружилось. Не повышается и эффективность в предоставлении медицинского обслуживания, которое коррелирует с улучшением показателей здоровья населения в кроссрегиональной перспективе. Иными словами, сколько бы проводимые реформы ни представлялись в общественном дискурсе как совершенствование системы здравоохранения, фактических улучшений не происходит.

Восьмая глава представляет собой первую попытку систематического сравнения российских и китайских региональных паттернов в сфере экономического неравенства. Томас Ремингтон сначала делает акцент на том, что в обеих странах экономический рост способствовал развитию неравенства в доходах между как регионами, так и социальными стратами. Тщательно анализируя региональные модели в России и Китае, автор пытается понять, как государственные институты могут устранить это межличностное и межрегиональное неравенство. По результатам исследования обнаруживается, что ни одно из государств не может предложить эффективную альтернативу широкомасштабным программам расходов.

Наконец, Донна Бахри в заключительной части книги подводит итоги проведенной работе, вписывая предшествовавшие главы в контекст уже существующих российских региональных исследований. Согласно ее мнению, полученные результаты делают весомый вклад в изучение авторитарных режимов с доминирующей партией, а также что российская регионалистика расска-

¹ Одноканальная модель финансирования здравоохранения предполагает, что основная часть средств поступает в бюджеты медицинских учреждений из фонда обязательного медицинского страхования. Иными словами, медицинские учреждения получают средства по принципу подушевого финансирования (за всех прикрепленных граждан) и оплаты непосредственно результатов деятельности (за объем оказанных услуг).

зывает сравнительной политологии о развитии федеративных отношений. При этом исследования субнациональной политики выявляют тревожные сигналы для общенационального политического режима с точки зрения его стабильности в долгосрочной перспективе. Это, в свою очередь, вдохновляет дальнейшее развитие политологической теории.

Таким образом, одним из основных достоинств рассматриваемой книги можно считать ее структуру, в которой исчерпывающе раскрываются основные тезисы вводной главы, а содержание представленных исследований иллюстрирует позицию авторов относительно важных тем в российской регионалистике и существующих методологических стратегий. С другой стороны, именно эта стратегия создает двойственное впечатление от книги в целом, так как в итоге объединяет тексты значительно разных уровней методологической проработанности. В частности, как было указано ранее, одна из глав строится на детально проработанной математической модели (глава 7), в то время как другая – на пилотной проверке гипотез посредством обзора литературы, которая так или иначе касалась обсуждаемой темы (глава 6). Во втором случае авторы указывают существующие недостатки поля и как их можно было бы исправить, но сами этого не делают и не представляют какого-то дополнительного анализа. Иными словами, хорошие обзорные главы соседствуют с детально проведенными аналитическими частями, что создает ощущение некоторой несбалансированности. С другой стороны, это связано с недоступностью данных или сложностью их получения, на что указывал У. Райзингер в первой главе, что, опять же, лишний раз подкрепляет изначальные аргументы книги.

Тем не менее у монографии есть ряд более значимых недостатков. Наиболее явный из них – использование терминов «гибридный режим» и «авторитаризм» в качестве взаимозаменяемых (см., например, главу 5). Споры о важности различения этих понятий ведутся, конечно, давно. Но если острая дискуссия возникает на уровне сложности выявления концептуальной разницы между гибридами и электоральными авторитаризмами, то с авторитаризмом без прилагательных все проще. Он более явно отличается от понятия гибрида, что вовсе не позволяет использовать их как синонимы. Грубо говоря, «гибридный режим» интересен, скорее, как описательный термин *зонтичного* типа, относящийся к разнокачественным феноменам: дефективная демократия и электоральный

авторитаризм, при этом помогающий отличить их от совершенно другого круга понятий, таких как полные демократии и автократии без формализованного политического участия. Если под авторитаризмом в данной книге понималось последнее, то использование гибридов через запятую, несомненно, лишнее занятие. Если же в фокусе подразумевался авторитаризм электоральный, то употребление термина «гибридный режим» можно допустить исключительно в целях описательности. Хотя в этом случае он добавляет лишь ненужные неточности и куда полезнее было бы вообще отказаться от этого устаревшего термина.

Другие же недостатки работы сводятся, скорее, к сугубо техническим замечаниям. Во-первых, в некоторых из представленных исследований возникает вопрос относительно выбранной методологии. В частности, в четвертой главе, рассматривающей формирование партийных систем, анализ строится на изучении двух регионов – Краснодарского края и Рязанской области, отобранных по ряду критериев. Главный из них – это разная степень демократичности политической системы региона. Учитывая, что исследовательский вопрос главы сформулирован в контекст режимов демократичных, подобная стратегия несколько сбивает с толку. И если реализацию исследования на примере в принципе недемократической России авторы еще как-то объясняют, то необходимость анализа разных региональных политических систем так и остается необоснованной.

Другой методологический недостаток этой главы – в решении исследовать формирование партийной системы исключительно через опросы населения. Да, гипотезы, выдвигаемые авторами, предполагают важность электората в процессе становления партийных режимов. Тем не менее логичным кажется, как минимум, задать вопросы самим кандидатам на анализируемых выборах, учитывая, что они являются непосредственными участниками процесса формирования партий с институциональной точки зрения.

Помимо указанных недочетов в некоторых главах наблюдается пересечение выдвигаемых гипотез и / или теоретических концепций, что приводит к риску искажения получаемых интерпретаций. Так, например, в шестой главе в рамках одной из гипотез предполагается, что увеличение доли населения за пределами рассматриваемой этнической группы повысит уровень нетерпимости этой группы по отношению к «внешним». В то же время одна из

альтернативных гипотез утверждает, что более высокий уровень ксенофобии свойственен исторически доминирующей группе. Тем самым обе гипотезы несколько перекликаются, подразумевая так или иначе тему доминантности, что может усложнить итоговую интерпретацию (особенно в анализе доминирующих групп).

Пожалуй, наименьшие неточности связаны с обсуждением ограничений российской регионалистики. В частности, предполагается, что новый формат представления статистических данных по регионам не позволяет исследовать механизмы и эффекты «ресурсного проклятия» на российском примере, так как с 2008 г. информация по добыче нефти и газа формируется исключительно по федеральным округам. По правде говоря, это не совсем так. Несмотря на то что российские базы данных действительно сильно ограничивают действия исследователей, все же всегда находится возможность выйти за рамки такого ограничения. В случае с «ресурсным проклятием» наиболее востребованным является обращение к доле топливно-энергетических ресурсов в валовом региональном продукте (ВРП) как показателю ресурсной зависимости регионов [см., например: Мишура, 2010]. В итоге это все же позволяет развивать указанную исследовательскую тематику на российском примере.

Тем не менее, несмотря на указанные неточности и недостатки, рассматриваемая монография заслуживает пристального внимания, обладая целым рядом серьезных достоинств. Во-первых, книга поражает широчайшим обзором литературы по субнациональным исследованиям. Ещё в первой главе автор проводит анализ работ в сфере российской регионалистики, давая исчерпывающий список текстов по разным тематикам, указывая на их достоинства и недостатки и показывая направления для дальнейших исследований. Иными словами, с точки зрения поиска необходимой литературы и понимания существующих ограничений для начинающего специалиста эта книга – просто кладезь полезной информации.

Во-вторых, представленная монография также удивляет разнообразием тематик и методов исследования российских регионов (от математического моделирования до опросов по избирательным округам). При этом четко оговариваются плюсы и минусы каждого метода, возможности их комбинирования, а также потенциальные проблемы с данными. Это касается и обсуждения всей субдисципли-

лины в целом, и ее выхода в общее сравнительно-политологическое поле, что можно считать отдельным преимуществом данной книги.

В конце концов, несмотря на указанные ранее упущения некоторых глав, в каждой из них – интереснейшая постановка вопроса и четко выверенная структура изложения. Это делает рассматриваемую работу образцом продуманного и качественно представленного анализа, что достойно внимания всех, кто хотел бы развить свои навыки в написании академических текстов и проведении политологических исследований. В целом же монография будет полезна и интересна как уже состоявшим специалистам по российской субнациональной политике, так и начинающим авторам. Особенно эта книга важна для молодых исследователей российских регионов, сомневающих в важности выбранного поля, так как она окончательно убеждает, что как бы золотник ни казался мал, он, несомненно, дорог.

Список литературы

- Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 2. – С. 90–109.
- Мишура А.В.* Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России // Журнал новой экономической ассоциации. – М., 2010. – № 6. – С. 82–96.
- Панов П.В.* Изменение электоральных институтов в России. Кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис: Политические исследования. – М., 2004. – № 6. – С. 16–28.
- Bahry D.* The new federalism and the paradoxes of regional sovereignty in Russia // Comparative politics. – N.Y., 2005. – Vol. 37, N 2. – P. 127–145.
- Busygina I.M., Zubarevich N.V.* Russian regional political institutions in the context of globalization and regionalization // Explaining post-Soviet patchworks / Ed. by K. Segbers. – Burlington, VT: Ashgate, 2001. – Vol. 3: The political economy of regions, regimes, and republics. – P. 176–198.
- Hale H.* Why not parties in Russia? – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 279 p.
- Herrera Y.M.* Imagined economies: The sources of Russian regionalism. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2005. – 320 p.
- Laitin D.D.* Comparative politics: The state of the subdiscipline // Political science: The state of the discipline / I. Katznelson, H.V. Milner (eds). – N.Y.: W.W. Norton & Company, 2002. – P. 630–659.
- Moraski B.J.* Elections by design: Parties and patronage in Russia's regions. – DeKalb, IL: Univ. of Northern Illinois press, 2006. – 176 p.
- Russia's regions and comparative subnational politics / Ed. by W.M. Reisinger.* – N.Y.: Routledge, 2013. – 205 p.

-
- Sharafutdinova G.* Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's search for statehood // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2003. – Vol. 55, N 4. – P. 613–629.
- Sharafutdinova G.* Subnational governance in Russia: How Putin changed the contract with his agents and the problems it created for Medvedev // *Publius: The journal of federalism*. – Oxford, 2010. – Vol. 40, N 4. – P. 672–696.
- Stoner-Weiss K.* Local heroes: The political economy of Russian regional governance. – Princeton: Princeton univ. press, 1997. – 264 p.
- Stoner-Weiss K.* Resisting the state: Reform and retrenchment in Post-Soviet Russia. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 182 p.